

ЭКРАН И СЦЕНА

18 октября — 8-9

СИСТЕМА

ЦЕННОСТЕЙ

Олега Басилашвили хорошо знают и любят зрители. Он — один из ведущих артистов прославленной товстоноговской группы Ленинградского академического Большого драматического театра, много снимался в кино у таких режиссеров, как Эльдар Рязанов, Георгий Данелия. Недавно к его творческим делам прибавились и обязанности народного депутата РСФСР.

Сегодня Олег Басилашвили делится с читателями нашего еженедельника своими мыслями о состоянии современного театра, главная задача которого, по его мнению, — это объединение общества на началах добра и красоты, приобщение каждого к высшим общечеловеческим ценностям.

Возрождение России, о котором так много говорится ныне, начинается не только с обилия колбасы или колготок, но прежде всего — с возрождения нашего духовного облика, с кардинального изменения нашего внутреннего мира. Необходимо соединить ту серебряную нить, которая тянется от нашей великой культуры вчерашнего дня, наших замечательных театральных традиций в день завтрашний.

СОЕДИНИННТЬ
СЕРЕБРЯНУЮ НИТЬ...

— Согласны ли вы с тем, что театр сегодня уже не занимает того места в нашей духовной жизни, какое занимал лет десять назад, интерес к нему резко упал?

— В какой-то степени это так, и причин тому много. Одна из них и, по-моему, самая главная — это попытка прежних власть предержащих навязать театру те функции, которые ему совершенно не свойственны. Театр во все века был призван быть высокой духовной субстанцией, вырабатывающей в обществе добро, милосердие, сочувствие. Недаром в театальной терминологии существует такое слово, как катарсис, — очищение, очищение от зла. В нашей стране общечеловеческие моральные нормы были поправны, а театр долгое время пытались превратить в трибуну, с которой воспевалась бы наша совершенно замечательная жизнь с ее отдельными маленькими недостатками, то есть стремились правду, которой жив театр, заменить ложью.

На этот диктат театр, стремясь быть верным самому себе, отвечал спектаклями, в которых пытался завуалированно осветить злободневные вопросы, восполняя тем самым полное отсутствие правды и гласности. Эта тенденция, пожалуй, стала главной в жизни театра. Тенденция благородная, но ведь не только это является задачей театра. Задача эта, повторю, — объединение общества добром, приобщение к общечеловеческим высшим ценностям. Время изменилось. Сейчас зритель жаждет очищения, катарсиса, а находит в театре трибунную злободневность, которой полным-полна наша пресса. Естественно, интерес к театру падает... Театру предстоит большая работа на пути возвращения в нормальное русло. Кроме того, идет время, уходят могиканы, которые, несмотря на державное давление, на суесть, стояли на страже великих театральных принципов...

— Но если взять, например, лучшие спектакли Любимова, Ефремова, то не преобладал ли там передовой общественный призыв над всем остальным? Не понимали ли они сами сцену прежде всего как некую баррикаду, над которой можно развернуть близкое сердцу знамя?

— Конечно. Но в лучших спектаклях Любимова и Ефремова этот призыв был продиктован высокой художественной потребностью их создателей, болью, сочувствием, состраданием к судьбе унижаемого системой народа, а не просто попыткой использовать театр декларативно, как рупор отсутствующей гласности.

Не надо забывать и о том, что театр во все времена по своей природе был организмом оппозиционным к существующему укладу жизни, к системе, которая ее выражает. Театр взывает к высотам духа, к свободе, а любая государственная система, самая лучшая, ее ограничивает. В этом трагическом противоречии величайшая миссия театра. Театр зовет к идеалам, наверное, недостижимым на сто процентов, но благодаря этому призыву постепенно повышается духовный уровень человечества. Вспомним хотя бы «Три сестры» Чехова и лучшую, на мой взгляд, постановку этой пьесы, осуществленную Немировичем-Данченко в Художественном театре. (Я видел ее в пятидесятые годы).

— В советском театре лучших «Трех сестер» вы потом не видели?

— Нет. И не только в советском. Во всем, что было потом, радовали те или иные находки, интересовали те или иные концепции, но такой слитности ансамбля и несказанности — невозможно было выразить словами, о чем спектакль! — больше не было никогда. Это была действительно жизнь, поэтически перенесенная на сцену Художественного театра.

Когда открывался занавес, перехватывало дыхание, — потому что никто еще слова не сказал, никаких сногшиба-

(Окончание на 8—9-й стр.).